

**РАССКАЗ ОБ ОСАДЕ КОНСТАНТИНОПОЛЯ В 717–718 Г.
В ХРОНИКЕ ФЕОФАНА ИСПОВЕДНИКА:
СЛЕДЫ РЕДАКТОРСКОЙ РАБОТЫ**

Рассказ Феофана Исповедника об осаде Константинополя арабами в 717–718 г. представляет собой многослойное повествование, комбинирующее элементы, заимствованные из различных источников. Разбор этого текста в соответствии с заранее определенным набором критериев позволяет отличить материал, восходящий к несохранившемуся источнику 718 г. (**Scriptor anni 718*) от редакторских добавлений, привнесенных более поздним автором, который описывал события 718–775 г. примерно в 780–784 г. (**Historia Leonis*). Эти добавления касаются в основном Божией помощи по молитвам Богородицы, что обнаруживает явную антииконоборческую тенденцию. Другой вывод состоит в том, что хронист Георгий Монах независимо от Феофана использовал оба вышеназванных источника.

Ключевые слова. Византийская историография, Феофан Исповедник, текстология, источниковедение.

Как недавно выяснилось, при описании событий византийской истории начиная с восшествия на престол Юстиниана II в 685 г. и вплоть до смерти Константина V в 775 г. Феофан Исповедник в своей «Хронографии» и патриарх Никифор в «Бревиарии» (до 767 г.) практически всецело опирались лишь на два источника (Afinogenov 2002; 2004; 2006). Впоследствии независимый доступ по крайней мере к одному из них (а возможно, и к обоим) имел Георгий Монах, писавший в 846/847 г. Первый из этих источников был благожелателен к императору Льву III, насыщен лексикой, в основном военной, заимствованной из латинского языка, и датировал события по годам царствования императоров. Он охватывал период примерно от 685 г. (возможно, от 668 г.) до 718 г. В этом произведении практически отсутствовали объяснения происходящего божественным вмешательством (гневом или милостью Божией). Условно предлагается называть данный источник **Scriptor anni 718*, поскольку именно в этом году он, по всей вероятности, и был создан (далее S718). Второй источник, условно называемый **Historia Leonis (et Constantini)*, далее HL, скорее всего, появился между 780 и 784 г. Он был резко враждебен Льву III и Константину V,

прежде всего, как инициаторам иконоборчества. Композиционно НЛ делилась на две большие части, посвященные Льву и Константину соответственно. Каждая из частей состояла из главков, описывавших некое событие как законченный сюжет. Начиналось это сочинение с краткой (но тенденциозной) биографии Льва до воцарения. Даты указывались по годам индикта. Божественное вмешательство упоминается часто, и заинтересованность автора в церковной проблематике более чем очевидна.

Из вышеизложенного понятно, что в рассказе об осаде Константинополя в 717–718 г. S718 и НЛ могли перекрываться, поскольку в это время Лев был уже императором и историк этого периода не мог оставить без внимания столь важное событие его правления, да и вообще византийской истории. Вопрос заключается прежде всего в том, что представляет собой соответствующий фрагмент Хронографии Феофана – наиболее подробное сохранившееся изложение. Вариантов здесь может быть несколько.

Воспроизводил ли Феофан в данном случае S718 или НЛ? В каком отношении находились оба этих источника между собой, т.е. послужил ли первый источником для второго? Какова доля авторского вмешательства хрониста, и возможно ли ее определить? В этой статье я попытаюсь проанализировать повествование Феофана по уже указанным критериям: употребление специальной военной терминологии, упоминание божественного вмешательства, отношение ко Льву III и датировки.

С повествовательной точки зрения рассказ об осаде органически продолжает предыдущий сюжет о событиях 716 г. в Малой Азии, в центре которого находится Лев, будущий император, а тогда стратиг фемы Анатолик. В этой части Лев изображен весьма позитивно: он одурачил арабов и спас подведомственные ему земли от разграбления. Поэтому раздел об осаде начинается с фразы: «Масальма же, перезимовав в Азии, ожидал [исполнения] обещаний Льва» (Theophanis 1883: 395, 13). Однако уже через несколько строк появляется датировка: «Первого же сентября 1 индикта отплыл христорец Сулейман с флотом...» (Theophanis 1883: 395, 22). Заметим, что индикт появляется впервые с 715 г., где имеется двойная датировка в формульно-протокольной ситуации перевода Германа I с Кизической кафедры на Константинопольскую (Theophanis 1883:

384, 20). Перед этим дата по индикту встречается в пассаже, который общепризнанно является интерполяцией (Theophanis 1883: 362, 2). Ни в одном из фрагментов, без сомнения восходящих к S718, такой датировки нет. Таким образом, уже здесь текст начинает «расслаиваться», причем дата по индикту явно указывает на НЛ, а не на самого Феофана, поскольку он, как известно, предпочитает хронологию «от сотворения мира». Кроме того, ему не требовалось отдельно указывать год, поскольку все повествование у него организовано по анналистическому принципу. Далее, эпитет «христородец» совершенно нехарактерен для S718, который вообще не применяет к арабам пейоративные характеристики.

В последующем повествовании на этот последний источник указывают армейские латинизмы *κατήναι* (грузовые суда, лат. *catenae*) и *λωρικότοι* (буквально «воины в панцирях», лат. *loricati*). Первый термин только в рассматриваемом отрывке и встречается, а второй имеется во фрагменте, скопированном из S718 (Theophanis 1883: 387, 22). По-видимому, к нему же восходят вводные фразы: «а некоторые говорят (φασὶ δὲ τινες, Theophanis 1883: 397, 25); «как говорят доподлинно знающие» (ὡς φασὶν οἱ ἀκριβῶς ἐπιστάμενοι, Theophanis 1883: 397, 29). Очевидно, что использование устной информации гораздо более правдоподобно для написанного по горячим следам S718, нежели для столь отдаленного времени, как 780–784 г., когда писалась НЛ.

Таким образом, можно видеть, как в рассказе Феофана Исповедника переплетаются элементы, характерные для обоих главных источников хрониста. Такое положение могло возникнуть в двух случаях: либо автор НЛ использовал S718 как источник, а Феофан затем воспроизвел полученный результат, либо контаминацию осуществил сам хронист.

Чтобы оценить эту проблему, приведем следующий пример. В «Бревиарии» Никифора есть следующий пассаж:

Итак, поскольку происходила частая смена императоров, и верх брала тирания, дела царства и Города были в небрежении и упадке, а еще исчезало словесное образование и разрушался воинский порядок (Nikephoros 1990: сар. 52, 1–3)¹.

¹ Ἐπεὶ οὖν πικναὶ τῶν βασιλέων ἐπαναστάσεις ἐγένοντο καὶ ἡ τυραννὶς ἐκράτει τὰ τε τῆς βασιλείας καὶ τῆς πόλεως κατημελεῖτο καὶ διέλιπτε

А вот как выглядит соответствующее место у Феофана (говорится о репрессиях Льва III):

... так что и учебные заведения угасли, и благочестивое образование, протерпевшееся от иже во святых великого Константина и донине, ниспровергателем которого вместе со многими другими хорошими вещами стал этот сарациномудрствующий Лев (Theophanis 1883: 405, 11–14)².

Исходный текст явно представлен у Никифора. Местоположение отрывка указывает, что он восходит к S718, поскольку одной из задач этого произведения было показать, что восшествие на престол Льва III стало для Византии спасением от хаоса и анархии, господствовавшей в империи с первого свержения Юстиниана II в 695 г. Соответственно, у Никифора этот пассаж следует после известия о свержении Артемия-Анастасия и предваряет сообщение о походе арабов в 716 г. Однако необходимо учитывать, что стилистические установки Никифора исключают дословное копирование, так что перед нами, несомненно, пересказ источника. Напротив, Феофан очень часто воспроизводит свой источник с минимальной редактурой или вовсе без нее. Поэтому можно предположить, что в данном случае имеет место такая последовательность:

1. S718 пишет эту фразу, преследуя свои пропагандистские цели.
2. НЛ, решая собственные пропагандистские задачи, представляет ее в другое место (726 г., после сообщения об извержении вулкана на острове Фира) и переформулирует так, чтобы возложить на Льва III вину за упадок просвещения.
3. Феофан воспроизводит без изменений то, что прочитал в НЛ.

Можно ли восстанавливать подобную последовательность и для рассказа об осаде? На первый взгляд, этому препятствует сопоставление Феофана и Георгия Монаха (в данном случае

πράγματα, ἔτι μὴν καὶ ἡ τῶν λόγων ἠφανίζετο παιδείσις καὶ τὰ τακτικὰ διελύετο.

² ὥστε καὶ τὰ παιδευτήρια σβεσθῆναι καὶ τὴν εὐσεβῆ παιδείσιν τὴν ἀπὸ τοῦ ἐν ἀγίοις Κωνσταντίνου τοῦ μεγάλου καὶ μέχρι νῦν κρατήσασαν, ἧς καὶ μετὰ ἄλλων πολλῶν καλῶν καθαιρέτης ὁ σαρακηνόφρων οὗτος Λέων γέγονεν.

сравнение с Никифором ничего не дает). Рассмотрим эту тему подробнее. Дело в том, что в повествовании Феофана очень сильно выражен мотив божественного заступничества. Приведем соответствующие пассажи:

Но замысел их расточил Бог по молитвам пречистой Богородицы (Theophanis 1883: 396, 16–18)³.

Но так как Бог содействовал по молитвам пречистой Богородицы, враги потонули на месте (Theophanis 1883: 397, 12–13)⁴.

И много бедствий случилось с ними в ту пору, так что они познали на опыте, что Бог и пресвятая Дева и Богоматерь охраняют Град сей и христианское царство, и нет совершенного оставления Божия для призывающих Его в истине, пусть мы ненадолго и бываем наказаны за грехи наши (Theophanis 1883: 397, 30–398, 4)⁵.

...буря, налетевшая на них от Бога по молитвам Богоматери (Theophanis 1883: 399, 8–9)⁶.

...только десять из них (кораблей – Д. А.), и те спасенные промыслом Божиим, чтобы возвестить нам и арабам величия Божии, бывшие с ними (Theophanis 1883: 399, 15–17)⁷.

...другие же пять спаслись в Сирии, возвещая владычество Божие (Theophanis 1883: 399, 18–19)⁸.

Рассказ Георгия Монаха сокращен, однако по большей части дословно совпадает с Феофаном – но из цитированных фраз у Георгия нет ни одной, кроме такого чрезвычайно показательного фрагмента:

³ ἀλλὰ τὴν βουλὴν αὐτῶν διεσκέδασεν ὁ θεὸς διὰ τῶν πρεσβειῶν τῆς πανάγνου θεοτόκου.

⁴ τοῦ δὲ θεοῦ συνεργήσαντος διὰ τῶν πρεσβειῶν τῆς παναχράντου θεοτόκου.

⁵ καὶ πολλὰ αὐτοῖς συνέβησαν δεινὰ ἐν τῷ καιρῷ ἐκείνῳ, ὥστε ἐπιγνῶναι αὐτοὺς τῇ πείρᾳ, ὅτι ὁ θεὸς καὶ ἡ παναγία παρθένος καὶ θεομήτωρ φρουροῦσι τὴν πόλιν ταύτην καὶ τὸ τῶν χριστιανῶν βασίλειον, καὶ οὐκ ἔστιν ἐγκατάλειψις τελεία θεοῦ ἐν τοῖς ἐπικαλουμένοις αὐτὸν ἐν ἀληθείᾳ, εἰ καὶ πρὸς βραχὺ παιδευόμεθα διὰ τὰς ἀμαρτίας ἡμῶν.

⁶ λαῖλαψ ἐκ θεοῦ διὰ τῶν πρεσβειῶν τῆς θεομήτορος ἐνσκήψας εἰς αὐτοὺς.

⁷ δέκα δὲ μόναι καὶ αὗται προνοία θεοῦ διασωθεῖσαι ἐξ αὐτῶν πρὸς τὸ ἀπαγγεῖλαι ἡμῖν τε καὶ τοῖς Ἄρασι τὰ μεγαλεῖα τοῦ θεοῦ τὰ γεγονότα εἰς αὐτούς.

⁸ αἱ δὲ ἄλλαι πέντε ἀπεσώθησαν εἰς Συρίαν τὴν τοῦ θεοῦ δυναστείαν ἀναγγελοῦσαι.

...все потонули, за исключением только пяти судов, которые, чудесным образом спасшись из тысячи восьмисот, возвестили на родине победу и спасение римлян и собственное поражение и полную погибель (Coislinianus 305: fol. 326^v)⁹.

То, что Георгий Монах исключил все упоминания о вмешательстве свыше, и в особенности то, что он видоизменил последнюю фразу, представляется крайне маловероятным. Сравним его описание другой осады Константинополя, а именно Фомой Славянином в 821–822 г. (Georgii 1978: 793–797). Изобилующий библейскими цитатами текст буквально пронизан идеей божественного заступничества. Нет даже смысла приводить цитаты, поскольку оно упоминается там чуть ли не в каждой строке. Слова θεός, κύριος и τὸ κρείττον встречаются в этом отрывке, явно принадлежащем перу самого хрониста, 14 раз. Значит, текст, который обнаруживается у Георгия, был модифицирован редактором, и в таком виде сохранился у Феофана.

Итак, нужно ли думать, что все «божественные» вставки принадлежат самому Феофану? В монографии И.С. Чичурова показано, что этот хронист мог иногда приносить существенную долю самостоятельности в свою компиляцию (Чичуров 1983). Однако это не единственное возможное решение, и даже не предпочтительное ввиду даты по индикту, указывающей на то, что рассказ подвергся редактированию со стороны автора НЛ. Опять-таки, ключевое значение имеет приведенная выше фраза, в которой говорится, что спасшиеся корабли возвестили не «владычество Божие», а «победу и спасение римлян и собственное поражение и полную погибель». Георгий должен был откуда-то взять эту фразу, и естественно было бы заключить, что его источником послужил S718 непосредственно, без редакции. Между прочим, у Георгия дата по индикту отсутствует, хотя месяц и число в этом месте указаны. Таким образом, подтверждается ранее высказанное предположение о том, что Георгий пользовался независимо от Феофана не только НЛ, но и S718 (Афиногенов 2008).

⁹ ὑποβρύχιοι πάντες ἐγένοντο παρεκτὸς ἐ' μόνα πλοῖα, ἃ καὶ παραδόξως ἐκ τῶν χιλίων ὀκτακοσίων περισωθέντα ἀπήγγειλαν εἰς τὰ ἴδια τὴν τῶν Ῥωμαίων νίκην τε καὶ σωτηρίαν καὶ τὴν ἐαυτῶν ἦτταν καὶ πανωλεθρίαν. Георгий Монах цитируется в данной части по неизданной оригинальной версии.

В таком случае последовательность будет такой:

S718 ----- НЛ-----Феофан

|

Георгий Монах.

Легко понять, почему изначально весьма деловой рассказ S718, вполне вероятно, написанный профессиональным военным, подвергся столь интенсивной обработке с целью придать ему богословски-назидательный характер. Победа византийцев в 718 г. была поистине эпической, но одержана она была под руководством того самого Льва, который впоследствии в представлении автора НЛ оказался злодеем и еретиком. Поэтому задачей писателя было показать, что по-настоящему триумф был дарован Богом, с особым акцентом на «молитвы Богородицы». Иконоборцев, в частности Константина V, обвиняли как раз в том, что они отрицают *πρεσβεῖαι τῆς θεοτόκου*. Именно этими соображениями, на мой взгляд, и объясняется эпитет *εὐσεβής* (благочестивый) применительно ко Льву (Theophanis 1883: 396, 8, 18). Лев в то время еще не уклонился в ересь, а стало быть, Бог даровал победу Своему благочестивому слуге. S718 употребляет этот эпитет лишь один раз, говоря о смерти Константина IV (Theophanis 1883: 361, 15), так что в данном случае это наверняка еще один след редакции со стороны НЛ.

Подводя итоги, можно сказать, что филологический разбор текста с учетом редакторской правки позволяет раскрыть крайне сложные взаимоотношения между теми немногими историческими сочинениями, которые донесли до нас историю Византии в самое «темное» столетие ее существования.

Литература

- Afinogenov, D. E. 2002. A Lost 8th Century Pamphlet against Leo III and Constantine V? *Eranos* 100, 1–17.
- Afinogenov, D. E. 2005. The source of Theophanes' Chronography and Nikephoros' Breviarium for the years 685–717. *Khristianskii Vostok* [The Christian East]. *Христианский Восток* 4, 3–14.
- Afinogenov, D. E. 2006. The History of Justinian and Leo. In: C. Zuckerman (éd.). *La Crimée entre Byzance et le Khaganat khazar*. Paris, 181–200 (= Centre de recherche d'Histoire et Civilisation de Byzance, Monographies, 25).
- Afinogenov, D. E. 2008: [On one Latin borrowing in Byzantine chronicles. *Indoevropeyskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya* 12 [Indo-European Linguistics and Classical Philology 12], 11–14.
- Афиногенов, Д. Е. 2008: Об одном латинизме в византийских

- хрониках. *Индоевропейское языкознание и классическая филология* 12, 11–14.
- de Boor, C. (ed.). 1883: *Theophanis Chronographia*. Lipsiae.
- de Boor, C. (ed.). 1978: *Georgii Monachi chronicon*. Editio stereotypa correctior, cur. P. Wirth. Stuttgart.
- Codex Coislinianus 305. Paris, Bibliothèque Nationale.
- Mango, C. 1990: *Nikephoros Patriarch of Constantinople*. Short History. Text, translation and commentary. Washington (= Dumbarton Oaks Texts, 10; Corpus Fontium Historiae Byzantinae, 13).
- Čičurov, I. S. 1983: [The place of Theophanes' Chronography in the Early Byzantine historiography (4th–early 9th c.)]. In: *Drevnejšie gosudarstva na territorii SSSR. Materialy i issledovanija 1981* [*The Most Ancient States on the USSR territory. Materials and Studies 1981*]. Moscow, 5–146.
- Чичуров, И. С. 1983: Место «Хронографии» Феофана в ранневизантийской историографической традиции (IV – нач. IX в.). В кн.: *Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования 1981*. М., 5–146.

D. E. Afinogenov. The account of the siege of Constantinople (717–718) in the Chronicle of Theophanes the Confessor: traces of editorial work

The chroniclers Theophanes the Confessor and Patriarch Nikephoros based their description of Byzantine history of 685–775 on two sources. One of them clearly favorable towards Leo III was dated by regnal years and covered the period 685–718. Its typical features were numerous Latin borrowings mostly pertaining to military sphere and lack of religious causation. Its conventional name is *Scriptor anni 718 (S718). The second source, covering the years 718–775 and conventionally called *Historia Leonis (HL), was fiercely inimical to Leo III and Constantine V on the base of Iconoclasm. It used indiction dating and frequently recurred to religious causation. Both sources overlapped for the account of the siege of Constantinople in 717–718. Careful analysis of Theophanes' text in comparison with George the Monk who evidently had independent access at least to HL shows that the basis of the narrative was sober and matter-of-fact account of S718, which was subsequently supplemented with numerous references to divine help and Virgin's prayers as well as one indiction date. George the Monk has nothing of that, which suggests that in this particular section he copied S718 directly. The conclusion is that here HL modified S718 in such a way that the major victory of the Byzantines would be ascribed not to military and political prowess of the future Iconoclast Leo III, but rather to God's assistance and *προσβεῖται τῆς θεοτόκου*, which is what the Iconoclasts, especially Constantine V, allegedly denied. However, in order to underline that Leo III by that time had not yet lapsed into heresy, and thus was legitimately entitled to God's help, HL twice characterizes him as *εὐσεβῆς* (pious). Another important conclusion is that George the Monk used S718 independently as well as HL.

Keywords. Byzantine historiography, Theophanes the Confessor, textology, source criticism.